

зов, или, другими словами, получение принципиально нового понятия в науке может происходить путем комбинирования соответствующих чувственных образов на основе какого-то исходного понятия. Однако новое понятие в ряде случаев является «слепком» с интуитивно полученного нового чувственно-наглядного образа.

Таким образом, взаимодействие чувственного и логического осуществляется благодаря интуиции, заключается в своеобразном комбинировании чувственных образов на основе какого-то исходного понятия. В результате получается новое понятие об объекте, новое знание о его сущности, а не только о формах проявления.

Гносеологический механизм такого процесса предполагает комбинирование чувственных образов на основании некоторого исходного наглядного образа – образа-модели известного объекта или же имеющегося исходного понятия, понятия-модели.

Понятие-модель отражает такие свойства и стороны объекта, содержание которых уже зафиксировано в понятийном аппарате науки. Понятие-модель возникает как результат предшествующего мысленного эксперимента. Он является мыслительным процессом, в котором чувственные и рациональные элементы находятся в диалектической взаимосвязи и взаимопроникновении. Благодаря этой взаимосвязи на основе мысленного эксперимента совершаются важные научные открытия.

Результаты мысленных экспериментов откладываются в «глубинах неосознанной психики» человека.

На основе рассмотренного можно сделать некоторые выводы о действии интуитивных процессов в акте научного познания. Прежде всего, очевидно, что присутствие интуитивных моментов в научном исследовании не зависит от истинности или ложности полученного результата. Интуитивное познание (в отличие от чувственного и логического познания) не является самостоятельной областью познания. Формы интуиции действуют в познании всегда в диалектической взаимосвязи с известными формами познания, осуществляя при этом взаимодействие данных чувственного и логического познания.

В гносеологическом смысле это взаимодействие заключается в особом комбинировании чувственных образов на базе понятия-модели (эйдетическая интуиция) или же на базе образа-модели (концептуальная интуиция).

УДК 930.1

ГОРОД В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПАМЯТИ

Асп. Ростовская О.М.

УО «Витебский государственный технологический университет»

Имея целью исследовательской работы представление Витебска как места исторической памяти в контексте анализа феномена памяти, в данной статье обозначим некоторые исходные положения, определяющие переход к воссозданию целостного культурно-исторического образа города на основе рассмотрения отдельных его исторических фигур в их развитии.

1. Память, как абсолютная, сверхиндивидуальная память, в поле социальной истории выявляется как историческая память, всеединый характер которой стяжённо проявлен в исторических личностях – индивидуальных и коллективных.

2. Поскольку коллективной личности нет без её индивидуализации в личностях отдельных и конкретных [1, с. 185], последние являются теми, в чьих воспоминаниях осуществляется историческая память. Только благодаря воспоминанию память обретает воплощение в историческом времени и пространстве, являя собой исторический феномен. Только через воспоминание возможно проникновение сквозь пласты исторического времени, и, зачастую, это ретроспективный взгляд – отсюда столь выраженная ассоциированность памяти с прошлым. Индивидуальное бытие – историчное и социальное – есть синтез воспоминаний, проявленных в процессах сознательного и бессознательного в об-

разах, экстерииоризируемых посредством конвенционально закрепленных, по сути, легитимированных, понятий. Очевидно, что образы и понятия имеют место объективации. Так, место и образы-понятия оказываются единым целым в паутине воспоминания, которая подобна воссозданным Ф.Йейтс в работе «Искусство памяти» театрам, где путь их созерцающих отмечен наличием мест, хранящих скрытые образы. В середине XX века эта английская исследовательница, фактически, возродила историю искусства памяти. Речь идет о памяти искусной – развитой и укрепленной упражнением, однако она не сводится просто к технике запечатления в памяти неких мест и образов, способствующей эффективному запоминанию и вспоминанию. Все значительно сложнее. Места и образы несут в себе эзотерический смысл, вскрывая познающему мир астральный.

Что есть город, как не театр или храм – отмеченный на карте истории хранитель мест и образов, воскрешающих в воспоминаниях очевидцев его социально-историческое бытие? И если театр итальянского мастера Джулио Камилло – это «видение мира и природы вещей с высоты звезд и даже горнего источника мудрости над ними» [2], то город – модель социального мира, конструируемая в настоящем с высоты исторического времени в том конкретном, событийном историческом пространстве, которое хранит в себе запечатленное в образах отражение своего социокультурного развития. Город есть процесс в том смысле, что он – динамичная, исторически развивающаяся система. Одновременно, город в настоящем отражает процесс своего исторического бытия, представляя собой продукт социокультурной деятельности. История городского пространства имеет значение, когда объективируется и визуализируется. Так, город предстаёт образно заполненным пространством – местом, в котором выявляются как доминанты его исторические образы, в совокупности и целостности образующие исторический облик города, отражая его историческую память.

Город есть место исторической памяти в том смысле, что город сам в себе есть *Genius loci* (Дух-хранитель места), бытие которого разворачивается в историческом времени и пространстве. При этом, *Genius loci* воплощает свёрнутое время, как хранитель исторической памяти, символизируя защиту. Чем больше он проявлен вне, в облике города, тем сильнее, как защитная оболочка, городская самоидентичность.

Таким образом, надындивидуальный феномен памяти, рассматриваемый в контексте социальной истории, конкретизируется в исторической памяти. И далее, историческая память, как форма отражения фрагментов исторического бытия, конкретизируется в социокультурном феномене города. Соответственно, постижение исторической памяти города как социокультурной реальности, развивающейся в историческом времени и пространстве, есть не что иное, как попытка проникновения в лабиринты абсолюта памяти. *Genius loci* хранит историческую память города, и каждый, кто физически и духовно связан с *Loci*, является хранителем памяти. Но если отсутствие духовного единства с местом в среде его обитателей приобретает масштабный размер, *Genius loci* потенциально слабеет, замирает, его память предаётся забвению. Так, *Genius loci* Витебска в точке настоящего проявлен нечётко: лицо и тело размыты. Проблема культурно-исторической реконструкции очевидна. При этом осознание каждым родственной связи с местом как следствие пробуждения родовой памяти и реставрации идентичности и возрождение *Genius loci* – двухсторонняя задача, решение которой актуально и возможно. Первостепенным видится осуществление посредством практической реконструкции Витебска экстерииоризации сознательной проработки прошлого, возвращения к истокам, воскресения всеединства исторической памяти в индивидуальном, восстановления самосознания и духовного единения с местом.

Список использованных источников

1. Карсавин, Л. П. *Философия истории* / Л. П. Карсавин. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 510, [2] с.
2. Йейтс, Ф. *Искусство памяти* / Ф. Йейтс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/yates02/index.htm> – Дата доступа : 13.01.2011.